

Твоя бывшая
(не) против

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

18+

Сергей Патрушев

Твоя бывшая (не) против

<https://litres.ru/74260282>

SelfPub; 2026

Аннотация

Агата - бариста с острым языком и списком бывших, возглавляет который Никита. Когда он является в кофейню под руку с новой невестой и просит «не портить ему жизнь», Агата принимает вызов. План мести безупречен: подружиться с Викой, втереться в доверие и разрушить их идеальные отношения изнутри.

Вот только Вика оказывается не фарфоровой стервой, а искренней, смешной и отчаянно одинокой девушкой. С каждым днём Агата всё глубже увязает в собственной лжи, пока фальшивая дружба не становится настоящей. А тут ещё появляется Марк - давний друг Никиты, который слишком хорошо знает Агату и готов разоблачить её... или спасти.

Это история о мести, которая обернулась любовью, о соперничестве, ставшем сестринством и о кофейне, где началась и закончилась одна большая драма.

Содержание

Пролог.	4
Гл	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Твоя бывшая (не) против

Пролог.

Кофе сегодня отдавал горечью. Не той благородной горечью темного шоколада или свежемолотого мускатного ореха, которая заставляет ценителей закатывать глаза от удовольствия, а глухой, вязкой горечью разочарования, которая оседает на языке и не смывается даже самой сладкой карамелью. Я стояла за массивной стойкой из мореного дуба в кофейне «Темная обжарка» и медленно, почти медитативно протирала и без того стерильно чистую поверхность. Это было мое утреннее заклинание, мой ритуал, который помогал настроиться на рабочий лад и отгородиться от внешнего мира, пропитанного ноябрьской слякотью и серым, безнадежным небом.

Меня зовут Агата. Да, именно так, с ударением на вторую «а», словно в шипении рассерженной змеи, которая приготовилась к броску. Моя мать, женщина с богатым воображением и огромной библиотекой криминальных романов, назвала меня в честь королевы детективного жанра, даже не подозревая, насколько пророческим окажется ее выбор. Впрочем, она хотела, чтобы я расследовала преступления, а не планировала их. Что ж, никто не идеален, даже матери.

В свои двадцать два года я обладала тремя вещами, которыми по-настоящему гордилась. Во-первых, диплом бариста международного класса, который пылился в ящике стола, но знания из которого въелись в мои пальцы, в мои рецепторы, в самую мою суть. Я могла определить сорт зерен по одному лишь аромату, а температуру воды — по звуку, с которым она касалась металлической воронки. Я могла нарисовать на поверхности латте что угодно — от банального сердечка до портрета Достоевского, — и делала это с точностью нейрохирурга и равнодушием мясника. Во-вторых, я обладала языком, который в университетские годы называли «филологическим оружием массового поражения». Слова были моей стихией. Я знала, как они работают, какой имеют вес, какую скорость набирают и в какой момент достигают цели. Одна удачно брошенная фраза могла ранить сильнее, чем пощечина, и я пользовалась этим умением с холодной, расчетливой элегантностью. В-третьих, у меня был список. Не мысленный, а самый настоящий, записанный в заметках телефона под кодовым названием «Чистилище». Это был реестр людей, которые когда-либо переходили мне дорогу, обижали меня или просто имели несчастье оказаться не в то время не в том месте с не тем выражением лица. Возглавлял этот список, конечно же, он. Никита. Его имя было выделено жирным шрифтом и тремя восклицательными знаками, словно предупреждение о ядерной опасности. Клянусь латте-артом,

когда-нибудь я нарисую на его могильной плите идеальное сердечко из молочной пенки, которое растает ровно через три минуты после нанесения, символизируя скоротечность его жалкой жизни.

До встречи с ним я была просто циничной студенткой филологического факультета, которая подрабатывала в кофейне, чтобы доказать родителям, что я способна на самостоятельную жизнь. Мне нравилось это место. «Темная обжарка» располагалась в старом кирпичном здании на пересечении двух оживленных улиц, и ее интерьер был продуман до мелочей: кирпичные стены, приглушенный свет, тяжелые бархатные шторы цвета бордо, книжные полки с потрепанными томиками классиков, которые можно было взять почитать за чашкой кофе, и виниловый проигрыватель, из которого вечно лились меланхоличные джазовые мелодии. Это было место для тех, кто понимает. Для тех, кто не гонится за скоростью, а умеет ждать, пока напиток настоится, пока мысли улягутся, пока жизнь обретет хоть какой-то смысл.

Филфак научил меня препарировать тексты. Я с легкостью разбирала на составные части романы Толстого, поэмы Бродского и пьесы Чехова, находя в них скрытые смыслы, аллюзии и метафоры. Но жизнь, жестокая и непредсказуемая, научила меня препарировать людей. А кофейня, сама того не желая, стала идеальной сценой для наблюдения за чело-

веческой комедией. Каждый божий день перед моими глазами мелькали сотни лиц, и каждое из них было отдельной историей, отдельной вселенной, отдельным набором проблем, страхов и желаний. Замученные офисные клерки, которым срочно нужна была доза кофеина, чтобы пережить очередной бессмысленный рабочий день; влюбленные парочки, которые строили глазки над капучино и не замечали, как пенка оседает быстрее, чем их иллюзии; вечно спешащие студенты, которые заказывали самый дешевый американо и просиживали над одним стаканом по три часа, делая вид, что готовятся к экзаменам, а на самом деле просто прячась от реальности. Я варила им кофе и слушала обрывки разговоров, собирая свою собственную коллекцию чужих жизней, как другие собирают марки или антикварные безделушки. Это было интересно. Это было познавательно. Это было безопасно. Но Никита сумел выдернуть меня из-за стойки наблюдателя и швырнуть на арену главных действующих лиц моей собственной драмы, нарушив все мыслимые и немыслимые правила игры.

Он ворвался в «Темную обжарку» два года назад, холодным январским вечером, когда я как раз осваивала искусство рисования розетты — того самого изящного листочка на поверхности латте, который отличает настоящего мастера от обычного наливателя кофе. Я стояла, низко склонившись над чашкой, закусив губу от напряжения, и пыталась заста-

вить молочную пенку принять нужную форму. Мои пальцы чуть дрожали от перенапряжения, и рисунок получался смазанным, нечетким, словно отражение в мутной воде. Я была так сосредоточена на своем занятии, что не сразу заметила, как у стойки кто-то остановился и терпеливо ждет, пока я закончу. Когда я наконец подняла глаза, готовая огрызнуться на нетерпеливого клиента, то увидела его. Высокий, с ленивой, чуть высокомерной улыбкой, которая словно говорила: «Мир принадлежит мне, и я позволяю тебе в нем пожить». У него была ямочка на подбородке, которая придавала его лицу какое-то мальчишеское обаяние, и глаза цвета теплого янтаря, в которых плясали чертики. Снежинки таяли на его темных волосах, и от него пахло морозной свежестью и каким-то дорогим, едва уловимым парфюмом. Он заказал американо без сахара и сказал фразу, которая определила мою жизнь на ближайший год: «Девушка, у вас такая сосредоточенная поза, что я чуть не заказал у вас Мону Лизу, а не кофе». Глупая, совершенно неоригинальная шутка, я слышала подобные тысячу раз от посетителей, которые мнили себя остроумными. Но тогда, глядя в его смеющиеся глаза, я рассмеелась. Искренне, звонко, как не смеялась уже давно. Это был мой первый шаг в пропасть.

Смеялась я, правда, ровно год. Ровно двенадцать месяцев, пятьдесят две недели, триста шестьдесят пять дней абсолютного, беспросветного счастья. Никита оказался не про-

сто красивым парнем с набором дежурных комплиментов. Он был умным, страстным, непредсказуемым. Он читал те же книги, что и я, слушал ту же музыку, смеялся над теми же шутками. Он поддерживал мои безумные идеи, а я поддерживала его. Он говорил, что моя острота, мой цинизм, моя способность одной фразой испепелить собеседника — это то, что его восхищает. Он называл меня «моя королева», и я таяла, как последняя дура, как героиня дешевого любовного романа, которая верит в красивые слова. Мы съехались через три месяца после знакомства. Сняли маленькую, но уютную квартиру с видом на парк, заставили ее книгами, пластинками и пустыми кофейными чашками, которые я забывала убирать. Я была счастлива. О, как же я была счастлива! Я просыпалась по утрам с мыслью, что вот он, лежит рядом, теплый, живой, мой. Я готовила ему его любимый омлет с помидорами и базиликом, я читала ему свои стихи по ночам, я строила планы на будущее, глупые, грандиозные, невыполнимые планы, которые в тот момент казались абсолютно реальными. Мне казалось, что я наконец-то нашла свое место в этом хаотичном, бессмысленном мире. Я перестала быть просто наблюдателем. Я стала главной героиней. И это было моей самой большой ошибкой.

Ровно через год, день в день, я вернулась домой раньше обычного. В тот день у меня была запара на работе, сломалась кофемашина, и меня отпустили пораньше. Я хотела сде-

лать сюрприз — приготовить ужин при свечах, открыть бутылку вина, которую мы берегли для особого случая. Я помню, как поворачивала ключ в замке, и мои руки дрожали от радостного предвкушения. Я представляла, как он удивится, как обрадуется, как обнимет меня своими сильными руками и закружит по комнате. Реальность оказалась намного прозаичнее и намного уродливее. В нашей постели, на том самом белье, которое мы вместе выбирали в ИКЕА, лежали двое. Никита и... она. Вика. «Просто коллега по курсам повышения квалификации», — вспомнила я его слова, сказанные пару недель назад с небрежной интонацией, которая не предвещала ничего хорошего. Тогда я не придавала этому значения. У меня не было причин для ревности. Я ему верила. Какая же я была идиотка.

Вика была идеальна. В этом не было ни грамма преувеличения или сарказма. Она была идеальна, как реклама йогурта, как картинка из глянцевого журнала, как безупречно отфотошопленная фотография в социальных сетях, глядя на которую понимаешь, что в жизни такого не бывает. Светлые волосы до лопаток, прямые, блестящие, словно жидкий шелк. Фарфоровая кожа без единого изъяна, без единой родинки или веснушки. Голос, напоминающий звон хрустального колокольчика — тихий, мелодичный, успокаивающий. И глаза, полные такого искреннего, детского недоумения, когда она меня увидела, что мне самой на секунду захотелось

перед ней извиниться за вторжение. За то, что я посмела прийти в свой собственный дом, в свою собственную спальню, в свою собственную жизнь, которую у меня только что украли.

Она была дипломированным бухгалтером. Любила бег по утрам, правильное питание и планирование бюджета на год вперед. Пила исключительно зеленый чай без сахара, потому что считала кофе вредным для здоровья. У нее были аккуратные, ухоженные руки с безупречным маникюром, и когда она протянула мне свою визитку (зачем она вообще носила с собой визитки?!), я заметила, что ее ногти покрыты прозрачным лаком. Никаких тебе ярких цветов, никакой экстравагантности. Все строго, сдержанно, идеально. Полная моя противоположность. Там, где у меня был хаос, у нее был порядок. Там, где у меня были эмоции, у нее был расчет. Там, где у меня была страсть, у нее был комфорт.

Никита тогда стоял в дверях нашей теперь уже бывшей квартиры, натягивая наспех джинсы, и его лицо выражало сложную гамму чувств: вину, стыд, раздражение и, что самое обидное, — облегчение. Словно он ждал этого момента, словно он хотел, чтобы я их застала, словно это был самый простой способ разорвать отношения, не набравшись смелости для честного разговора. «Агата, пойми», — сказал он тогда, и его голос звучал устало, как у человека, ко-

торый пытается объяснить сложную математическую теорему несмышленому ребенку. — «Ты слишком... сложная. Ты как неразбавленный виски, обжигаешь, будоражишь, от тебя кружится голова, и с тобой невозможно находиться долго. Ты выматываешь. Ты требуешь слишком много внимания, слишком много энергии, слишком много всего. А я устал. Я очень устал. Я хочу простого человеческого счастья. Вика, она... понятная. С ней спокойно. С ней не нужно гадать, что у нее на уме. С ней можно просто жить». Он говорил эти слова, а я смотрела на него и видела, как рушится мой мир. Не просто рушится — он рассыпается на мельчайшие атомы, и я не могу собрать его обратно. Каждое его слово было ударом. Сложная. Неразбавленный виски. Выматываешь. Устал. Спокойно. Понятная. Эти слова впечатывались в мой мозг каленым железом, и я знала, что никогда, никогда в жизни их не забуду.

Он бросил меня, как бросают надоевшую игрушку, как выбрасывают прочитанную книгу, как избавляются от старой мебели, которая больше не вписывается в обновленный интерьер. И завел себе новую, с батарейками на дистанционном управлении. Я переживала. Сначала была боль — тупая, выматывающая, заставляющая перемалывать воспоминания в труху по ночам. Я лежала в постели и смотрела в потолок, прокручивая в голове каждый наш разговор, каждую улыбку, каждое прикосновение, пытаюсь найти тот самый момент,

когда все пошло не так. Я не могла есть, не могла спать, не могла работать. Кофе, который я варила, был горьким, как моя жизнь. Потом пришла апатия — серая, липкая, как февральский снег за окном. Я превратилась в тень самой себя, в бесплотный призрак, который механически выполнял свои обязанности и не испытывал при этом ровным счетом никаких эмоций. Мир потерял краски, звуки, запахи. Все стало пресным, безвкусным, бессмысленным. А потом, в один прекрасный день, когда я в тысячный раз прокручивала в голове его слова, что-то во мне перемкнуло. Словно внутри сработал невидимый рубильник, и ярость, до этого тлевшая где-то глубоко, полыхнула с такой силой, что осветила всю мою душу. Она была прекрасна. Холодная, чистая, как горный лед, структурированная, словно шахматная партия, ярость. Она не ослепляла, как это обычно бывает. Напротив, она прояснила мое зрение, сделала его кристально четким. Я вдруг увидела все с такой ясностью, что сама испугалась. Я увидела его слабость, его трусость, его неспособность справиться с сильной женщиной. Я увидела, что он никогда меня не любил. Он любил идею меня — яркую, необычную, выделяющуюся из толпы. Но когда столкнулся с реальностью, с моими требованиями, с моими ожиданиями, с моим характером, он испугался и сбежал к более простому варианту. К той, которая не задает лишних вопросов и не требует к себе серьезного отношения. К той, которая согласна быть удобной.

Я направила свою ярость в работу и в учебу. Я стала лучшей. Не просто хорошей — лучшей. Мой кофе хвалили самые взыскательные гурманы, мои статьи в университетской газете рвали на цитаты, мои шутки стали еще злее, а удары — точнее. Я записалась на курсы латте-арта к итальянскому маэстро и освоила технику, которая считалась недоступной для новичков. Я прочитала гору книг по психологии, чтобы научиться понимать людей еще лучше, видеть их слабые места, их болевые точки, их страхи. Я превратила свою боль в оружие. О Никите я старалась не вспоминать. Вернее, я убедилась, что он умер. Для меня, по крайней мере. Я вычеркнула его из своей жизни, как вычеркивают неудачную строчку из стихотворения. Его фотографии были удалены, его подарки выброшены, его номер заблокирован. Я создала вокруг себя вакуум, в котором ему не было места.

Целый год я жила с этой установкой. Год! Триста шестьдесят пять дней ментального целибата и абсолютного игнорирования всего, что связано с именем Никиты. Я почти убедилась, что исцелилась. Почти забыла его запах — смесь сандала и цитрусов, — его смех, его дурацкую привычку прикусывать губу, когда он нервничал. Почти перестала вздрагивать, когда видела на улице мужчину похожего телосложения. Моя броня стала толще, кофе — ароматнее, а язык — острее. Я чувствовала себя неуязвимой. Абсолют-

но, стопроцентно неуязвимой. И, как это обычно бывает, когда человек достигает пика самоуверенности, судьба решила проверить меня на прочность в самый обычный вторник, когда за окном моросил дождь, а в кофейне играл приглушенный джаз. Четвертый вторник ноября, если быть точной. Я запомнила эту дату, потому что в тот день все изменилось.

Дверной колокольчик звякнул, впуская в теплое, пропитанное ароматом кофе нутро «Темной обжарки» поток холодного, влажного воздуха и двух людей. Я не подняла головы, продолжая вырисовывать лебедя на поверхности латте. Это был сложный рисунок, требующий максимальной концентрации. Изящный изгиб шеи, тонкие линии крыльев, капля шоколадного сиропа для глаза. Я чувствовала их присутствие по тому, как неуловимо изменилась атмосфера в зале. Появилось легкое напряжение, какое-то почти электрическое покалывание в воздухе, словно перед грозой. Люди, сидевшие за столиками, продолжали пить свой кофе, но их разговоры стали чуть тише, словно они тоже что-то почувствовали. Я закончила рисунок, аккуратно поставила чашку на блюдце и только тогда подняла взгляд.

Сначала я увидела ее. Идеальную, отутюженную, словно сошедшую со страниц каталога дорогой одежды для женщин, которые хотят выглядеть безупречно, но не вызывающе. Вика. Она практически не изменилась за этот год, раз-

ве что черты лица стали чуть более уверенными, холеными, словно она провела этот год не в бухгалтерских отчетах, а в спа-салоне. Ее кожа сияла тем особенным, внутренним светом, который бывает только у абсолютно счастливых, ничем не омраченных женщин. На ней было бежевое пальто из кашемира, которое сидело так безупречно, будто его сшили прямо на ней, и маленькая сумочка из крокодиловой кожи, стоимость которой я могла определить с одного взгляда — три моих месячных зарплаты, не меньше. На ногах — замшевые сапожки на тонком каблуке, абсолютно непрактичные для ноябрьской слякоти, но невероятно стильные. Она смотрела в телефон, не отрываясь, и что-то быстро печатала отманикюренными пальчиками с тем же безупречным прозрачным лаком. Вероятно, сверяла график платежей по ипотеке или составляла список продуктов на неделю.

А рядом стоял он. Никита. Мое сердце пропустило удар, хотя я думала, что оно давно уже разучилось так реагировать. Он возмужал за этот год. Нет, не постарел, а именно возмужал, словно хорошее вино, которое наконец достигло своего идеального срока выдержки. Плечи стали шире, наверняка благодаря регулярным занятиям в спортзале, на подбородке появилась аккуратная, тщательно подстриженная щетина, которая придавала ему мужественности. Одет он был в дорогое темно-синее пальто из мягкой шерсти, которое делало его похожим на молодого бизнесмена из ре-

кламы швейцарских часов или элитного автомобиля. В руке он небрежно поигрывал ключами от машины, и марка на брелоке заставила меня презрительно хмыкнуть. Немецкий автопром, премиум-сегмент, цена сопоставима со стоимостью небольшой квартиры в спальном районе. Судя по всему, «понятная и спокойная» жизнь с идеальной Викой принесла свои финансовые плоды. Интересно, как скоро она поймет, что вложения в этого мужчину — самые рискованные из всех возможных инвестиций?

Первым порывом было уйти в подсобку. Это был даже не порыв — это был инстинкт, древний, животный страх, который заставил мои ноги слегка подогнуться, а сердце забиться где-то в горле. Сделать вид, что меня нет, переждать, спрятаться за мешками с кофейными зернами, как перепуганный котенок, и не выходить до тех пор, пока они не уберутся во-свояси. Это было бы так просто. Так безопасно. Так по-человечески понятно. Но я не котенок. Я Агата. И я сжимала в руке питчер из нержавеющей стали, наполненный только что взбитым молоком. При желании он мог стать неплохим оружием. Несколько точных движений — и идеальная Вика лишится своей идеальной укладки, а ее бойфренд получит ожог третьей степени. Картинка, возникшая в моем воображении, заставила меня улыбнуться. Нет, я не буду опускаться до банального рукоприкладства. Это слишком просто, слишком грубо, слишком не в моем стиле. Я уничтожу их слова-

ми. Это будет гораздо больше.

Я выпрямилась во весь рост, расправила плечи, поправила фартук и приклеила на лицо самую обворожительную, самую ядовитую улыбку из своего арсенала. Улыбку, которая не предвещала ничего хорошего. Это была особая улыбка — моя фирменная, отрепетированная перед зеркалом до автоматизма. Она начиналась с уголков губ, которые чуть приподнимались, создавая иллюзию дружелюбия, но затем в дело вступали глаза, которые оставались холодными, оценивающими, словно два лазерных прицела. Я видела, как люди теряются под этим взглядом, как начинают нервничать, запинаться, говорить глупости. Это была улыбка хищника, который еще не решил, нападать ему или просто поиграть с добычей.

Они подошли к стойке, все еще поглощенные своим идеальным микромиром, своей уютной вселенной для двоих, в которую не было доступа посторонним. Вика продолжала что-то щебетать про ипотечные ставки, про то, что Центробанк снова поднял ключевую ставку, и им нужно срочно рефинансироваться, пока не стало слишком поздно. Она говорила этим своим мелодичным голоском, который, как я теперь понимала, был не столько приятным, сколько стерильным, лишенным каких-либо эмоциональных обертонов. Никита снисходительно кивал, поигрывая ключами, но бы-

ло видно, что он ее не слушает. Его мысли были где-то далеко, возможно, в офисе, возможно, на предстоящем футбольном матче, возможно, еще где-нибудь, где не было финансовых терминов. Они не сразу заметили меня. А когда заметили, время словно замерзло. В прямом смысле этого слова. Мне показалось, что я слышу, как останавливаются стрелки на настенных часах, как застывает воздух, как мир вокруг нас превращается в фотографию. Никита поднял глаза, и я увидела, как в них мелькнуло узнавание. А затем — паника. Чистая, неразбавленная, животная паника, которая на мгновение стерла с его лица все наносное, всю эту деланную уверенность и самодовольство. Он словно увидел призрака. Призрак своего прошлого, который пришел требовать расплаты. Он попытался мгновенно задавить панику маской светского безразличия, но было уже поздно. Я все видела. Я все считала. Каждую микроэмоцию, каждое дрожание лицевых мышц, каждую каплю пота, выступившую на его лбу. Вика же, проследив за его взглядом, наткнулась на мою улыбку и побледнела. Не метафорически — реально, физически побледнела. Вся кровь отхлынула от ее лица, и она стала похожа на фарфоровую куклу, которую слишком долго продержали в морозильной камере. Эффект был сравним с тем, как если бы она вместо своего органического зеленого чая случайно отхлебнула чистого медицинского спирта.

— О, — только и смогла вымолвить она, переводя взгляд с

меня на Никиту и обратно. В этом коротком междометии было столько всего намешано — удивление, страх, неловкость, раздражение, — что его можно было бы разбирать на семинаре по психолингвистике.

Я не дала им времени на рекогносцировку. Я не дала им возможности собраться с мыслями, переглянуться, выработать какую-то стратегию поведения. Я была хозяйкой этой территории. Здесь были мои правила, моя игра и мое поле. А они были всего лишь гостями, незваными и нежеланными, которые имели глупость заявиться без приглашения.

— Добрый день, — промурлыкала я голосом, который обещал райское наслаждение, но подразумевал адские муки. Я специально использовала этот тембр — низкий, грудной, обволакивающий, — потому что знала, как он действует на мужчин. И на Никиту в особенности. — Рада видеть вас в «Темной обжарке». Выбрали отличный день для визита. Дождливая погода как нельзя лучше располагает к чашечке горячего кофе. Что будете заказывать? У нас потрясающие авторские напитки. Могу порекомендовать раф с лавандой. Говорят, лаванда прекрасно успокаивает нервы. Некоторым это очень, очень нужно.

Никита судорожно сглотнул. Кадык на его шее дернулся вверх-вниз, и это принесло мне ни с чем не сравнимое, почти

садистское удовольствие. Я видела, как он пытается взять себя в руки, как его мозг лихорадочно ищет выход из этой ситуации. Он явно вспомнил, кому принадлежит эта кофейня, и почему он старательно вычеркнул этот район из своих маршрутов год назад. Он думал, что обезопасил себя, что создал зону комфорта, в которой нет места случайным встречам с бывшей. Но вселенная, эта капризная и насмешливая дама, решила, что ему пора пройти внеплановую проверку на прочность. И я, как верный служитель высших сил, была готова провести эту проверку со всей тщательностью и вниманием к деталям.

— Агата, — произнес он сухо, стараясь, чтобы его голос звучал ровно и нейтрально. Он пытался делать вид, что эта встреча для него ничего не значит, что он давно все забыл и перешагнул. Но я-то видела, как подрагивают его пальцы, сжимающие ключи от машины. Я-то слышала, как в его голосе проскальзывают фальшивые нотки, словно у певца, который пытается взять слишком высокую для себя ноту. — Не ожидал тебя здесь увидеть.

— Правда? — я театрально удивилась, приподняв одну бровь. Этот жест я тоже репетировала перед зеркалом. Он делал мое лицо одновременно надменным и насмешливым, идеально подходящим для светской беседы с врагами. — А где же еще? Я здесь работаю. Уже два года. Собственно, я

и тогда здесь работала, когда мы познакомились. Ты не помнишь? Впрочем, у тебя всегда были проблемы с памятью. Особенно когда дело касалось твоих обещаний. Помнится, ты обещал мне вечную любовь. Как видишь, вечность оказалась чуть короче, чем я рассчитывала.

Это была пощечина. Вербальная, но от того не менее звонкая и болезненная. Я видела, как от моих слов на его скулах заходили желваки, а взгляд стал жестким и колючим. Вика открыла рот, словно рыба, выброшенная на берег, но не издала ни звука. Она явно не привыкла к таким разговорам. В ее мире, в ее идеально выстроенной вселенной, люди не говорили друг другу такие вещи. Они улыбались, пили зеленый чай и обсуждали ипотечные ставки. Они не ворошили прошлое и не обнажали старые раны. Она инстинктивно вцепилась в рукав пальто Никиты, ища защиты. Но Никита не мог ее защитить. Он сам нуждался в защите от меня, от моего языка, от моей улыбки, от самой атмосферы этой кофейни, где каждая деревянная панель, каждый стаканчик, каждое зернышко кофе, казалось, хранили эхо наших бывших разговоров, нашего смеха, наших планов на будущее. Это место было насквозь пропитано памятью о нем. О нас. И он это чувствовал.

— Мы закажем... два американо, — выдавил он наконец, решив, видимо, что быстрое отступление — лучшая страте-

гия. Я видела, как работает его мозг: взять кофе, заплатить, уйти, забыть этот инцидент, как страшный сон, и никогда, никогда больше не появляться в этом районе. — С собой, пожалуйста.

Он выделил слово «с собой», надеясь, что это ускорит процесс. Что я просто сделаю свою работу и они исчезнут. Но я не торопилась. Я медленно, очень медленно взяла два бумажных стакана, поставила их на стойку и начала процесс приготовления кофе. Мои движения были плавными, почти ритуальными, словно я проводила некое священнодействие, требующее полной концентрации и не допускающее суеты. Я специально растягивала каждое действие, наслаждаясь их напряжением. Я слышала, как шумно дышит Вика, как она переминается с ноги на ногу, мечтая поскорее уйти. Я слышала, как барабанит дождь по стеклу, создавая ритмичный аккомпанемент к нашей немой сцене. Я слышала, как сердце Никиты, кажется, пытается вырваться из грудной клетки и убежать подальше от этого места.

— А ты, смотрю, не теряешь времени, — сказал он, пытаюсь сменить тему и перевести разговор в нейтральное русло. Это был классический приём — *best defense is a good offense*. Если не можешь справиться с ситуацией, попробуй перехватить инициативу. — Все так же кофе варишь. Два года на одном месте. Стабильность — признак мастерства.

— А ты, смотрю, статус повышаешь, — парировала я, не отрываясь от кофемашины. Мой голос был ровным и спокойным, но каждое слово было отточено до остроты бритвы. — Немецкий автопром, кашемировое пальто, невеста с безупречной родословной. Видимо, бухгалтерия приносит больше, чем курсы повышения квалификации. Или просто повезло с личным бухгалтером, который грамотно распределяет бюджет? Знаешь, Вика, тебе стоит быть осторожнее. Мой бывший имеет привычку вкладываться в проекты, которые кажутся перспективными, а потом бросать их, когда они начинают требовать слишком много ресурсов.

Вика наконец обрела дар речи. Она выпрямилась, как струна, ее фарфоровое личико исказила гримаса оскорбленной добродетели, и она посмотрела на меня с тем особым выражением, которое бывает у людей, никогда не сталкивавшихся с открытой агрессией. Это был взгляд раненой лани — испуганный, но при этом исполненный какого-то морального превосходства.

— Агата, это уже лишнее, — сказала она, и ее голос дрожал, но она изо всех сил старалась сохранить достоинство. — То, что было между вами, осталось в прошлом. Год прошел. Мы пришли просто выпить кофе. За деньги. Мы не сделали ничего плохого. Не надо насмешек. Это недостойно.

— Насмешек? — я перестала готовить кофе и уперлась руками в стойку, подавшись вперед. Мой взгляд сфокусировался на ней, и я знала, что сейчас мои глаза напоминают два дула пистолета, направленных точно в цель. — Викуля, солнце, какие могут быть насмешки? Я восхищена. Искренне, от всей души восхищена. Ты совершила невозможное. Ты сделала из этого инфантильного перекати-поле, из этого мальчика, который не мог решить, что он хочет на завтрак, мужчину. У него теперь дорогое пальто, машина, которой можно хвастаться перед друзьями, и, судя по твоему измученному лицу, зачатки совести. Это колоссальная работа, достойная диссертации по психологии. Браво. Тебе надо ставить памятник за работу со сложным материалом.

Я говорила это с улыбкой, с той самой улыбкой, которая обещала райское наслаждение, но подразумевала адские муки. Каждое мое слово было пропитано ядом, и я видела, как этот яд проникает в ее идеальную кожу, в ее идеальный мир, в ее идеальную жизнь. Вика побледнела еще больше, если это вообще было возможно. Ее губы задрожали, а в глазах заблестели слезы. Она была идеальной мишенью — слишком правильной, чтобы ответить мне той же монетой, слишком воспитанной, чтобы просто развернуться и уйти, слишком гордой, чтобы показать свою слабость. Она попала в ловушку между своими манерами и моим хамством, и я наслаждалась

этим зрелищем. Никита же смотрел на меня с плохо скрываемой яростью. Та самая ленивая, обаятельная улыбка, которая когда-то заставила мое сердце биться быстрее, исчезла бесследно, уступив место жесткой линии рта и напряженным желвакам на скулах. В его янтарных глазах больше не плясали чертики — там полыхал пожар. Он был взбешен. И это было хорошо. Это было прекрасно. Значит, я попала в цель.

Я закончила приготовление кофе с той же медлительной грацией, с какой начальник тюрьмы зачитывает смертный приговор. Каждое движение было отточенным, точным, выверенным. Я надела крышки на стаканы, аккуратно поставила их на стойку перед ними, словно преподносила дары небожителям. От стаканов шел пар, наполняя воздух ароматом свежесваренного американо — напитка, который Никита когда-то называл «единственной настоящей любовью мужчины».

— С вас триста пятьдесят рублей, — сказала я ледяным тоном кассира в супермаркете, который только что обслужил прокаженных и теперь мечтает продезинфицировать руки.

Никита бросил на стойку пятисотрублевую купюру, даже не потрудившись достать ее из бумажника аккуратно. Купюра скользнула по дубовой поверхности и замерла рядом с моей рукой. Он не стал ждать сдачи. Он схватил стаканы, один

из них сунул в руки Вике, чуть не расплескав горячий кофе на ее безупречное пальто, и, резко развернувшись, потащил ее к выходу. Его спина, обтянутая дорогим синим сукном, излучала такую волну ненависти и страха, что я физически ощутила ее. Это было почти осязаемо — горячий воздух, пропитанный яростью и адреналином. Я смотрела на эту удаляющуюся спину, и внутри меня разгоралось темное, пьянящее пламя триумфа. Я выиграла этот раунд. Нокаутом. В первом же действии. Без единого удара, без повышения голоса, с одной лишь улыбкой и парой точно подобранных фраз. Это была чистая победа.

Но уйти просто так он не мог. Это было выше его сил. Это было бы слишком мудрым, слишком зрелым поступком, а Никита, при всем своем новом лоске и дорогом пальто, никогда не отличался ни мудростью, ни зрелостью. У самой двери, когда Вика уже выскользнула на улицу, под холодный ноябрьский дождь, он вдруг остановился. Я видела, как его плечи напряглись, как он на секунду замер, словно принимая какое-то внутреннее решение. Затем он медленно обернулся и бросил на меня взгляд, полный такого высокомерного презрения, что мое пламя триумфа на секунду потускнело. Он отпустил Вику, что-то коротко ей бросив (наверное, «подожди в машине»), и вернулся на пару шагов обратно к стойке.

— Слушай сюда, Агата, — сказал он тихо, почти шепотом.

том, чтобы никто из редких посетителей, увлеченных своими разговорами и ноутбуками, не услышал. Его лицо было бледным, а в глазах плескалась неконтролируемая, первобытная злость. — Этот цирк был лишним. Этот спектакль, который ты сейчас устроила, — он был лишним. Я не знаю, чего ты хотела этим добиться, но ты добилась только одного — показала себя истеричкой. Мы с Викой подали заявление в ЗАГС. У нас свадьба через месяц. Все уже готово, ресторан заказан, гости приглашены. У нас все хорошо. У нас все идеально.

Он выделил слово «идеально», словно вонзил мне нож под ребра. Помнил. Конечно, он помнил. Помнил ту нашу последнюю ссору, когда он, стоя в дверях с виноватым и одновременно раздраженным лицом, сказал мне, что я «неидеальная». Что я слишком сложная, слишком требовательная, слишком громкая. Что ему нужна идеальная женщина, а я — бракованный товар, не прошедший контроль качества. И теперь он использовал это слово как оружие, как последний аргумент, как контрольный выстрел.

— Я не знаю, что у тебя в голове, — продолжал он, и его шепот становился все более напряженным, похожим на шипение. — Не знаю, какие там планы мести ты вынашивала этот год. Но я прошу тебя, по-человечески. Не порть мне жизнь. Что было — прошло. Смирись с этим. Не надо ме-

ня преследовать, не надо названивать, не надо позорить меня перед невестой. Ты умеешь быть мстительной, я знаю это лучше других. Но просто оставь нас в покое. Живи своей жизнью, вари свой кофе, а я буду жить своей. Мы сюда больше не придем, обещаю. Ты нас больше никогда не увидишь. Забудь, что видела нас. Просто не порти мне жизнь, я тебя умоляю.

Он это сказал. Произнес вслух. Мне. Мне, Агате, которая год по крупицам собирала себя заново, которая выплакала все слезы в подушку, которая училась дышать, когда каждая клеточка тела кричала от боли. Мне, которая превратила свою агонию в броню, а свою ярость — в топливо для движения вперед. Он посмел просить меня «не портить ему жизнь». Словно это я была злодейкой в этой истории. Словно это я вторглась в его идеальный мирок и угрожала разрушить его. Послетого, как сам растоптал мою жизнь, мои чувства, мое доверие. После того, как сейчас, в эту самую минуту, его драгоценная, идеальная, понятная Вика мерзнет под дождем, ожидая его в машине, а он стоит здесь и трясется за свою шкуру, как последний трус. Он боялся. И это был даже не страх передо мной как перед женщиной, которую он обидел. Это был страх за свой комфорт. За свою удобную, налаженную жизнь, в которой все было разложено по полочкам: работа, дом, идеальная жена, машина, ипотека, планы на отпуск. Он боялся, что я, как хаотичный элемент, как дикая

карта, ворвусь в эту идиллию и разрушу ее. И самое отвратительное — он имел наглость просить меня не делать этого. Просить! Не умолять, не извиняться, не пытаться загладить вину, а именно просить — с барского плеча, словно оказывая мне великую честь своим вниманием.

В этот момент что-то во мне щелкнуло. Окончательно и бесповоротно. Я физически услышала этот звук — словно лопнула туго натянутая струна или сломался предохранитель в сложном электрическом механизме. Весь мой прошлый год, вся моя колоссальная работа над собой, все попытки отпустить, простить, забыть, перешагнуть — все пошло прахом в одно мгновение. Все эти бессонные ночи, проведенные в медитациях и чтении книг по самопомощи. Все эти часы на кушетке у психотерапевта, которому я платила половину своей зарплаты за то, чтобы он помог мне «проработать травму». Все эти дни, когда я усилием воли заставляла себя не проверять его социальные сети и не писать ему пьяные сообщения. Все было зря. Он не имел права просить. Он не имел права даже дышать в мою сторону. Он должен был бояться молча. Дрожать от ужаса при мысли, что я могу вспомнить о нем. Обходить этот район за километр. Бежать, сверкая пятками, в свою идеальную жизнь и молиться, чтобы я никогда не перешла ему дорогу. А он пришел. Пришел в мою кофейню, в мой храм, в мое убежище, и с барского плеча бросил мне подачку в виде просьбы. словно я бы-

ла бешеной собакой, которую он просит не кусаться. Словно я была досадной помехой, проблемой, которую он пытается решить словами, а не действиями. Словно все мои переживания, вся моя боль, весь этот год ада были просто всплеском моего «сложного» характера, который он великодушно просит не выплескивать на его светлое будущее.

Ярость во мне сменилась невероятным, почти космическим спокойствием. Это было странное ощущение, которое я никогда раньше не испытывала. Как будто я стояла в эпицентре урагана, где нет ветра, нет дождя, нет хаоса — только абсолютная, звенящая тишина. Я смотрела на него, на это красивое, все еще красивое, но перекошенное страхом и высокомерием лицо, и не видела больше мужчину, которого когда-то любила. Я не видела того парня, который смешил меня своими глупыми шутками, который читал мне стихи при свечах, который обещал быть рядом в горе и радости. Я видела мишень. Я видела сцену. Я видела первый акт драмы, которую еще только предстояло написать. Моя месть, которая раньше была просто горькой, утешительной фантазией, утешительным призом для моего раненого самолюбия, вдруг обрела плоть и кровь. Она стала конкретной, сюжетной, осязаемой. Она перестала быть абстрактным желанием «чтобы ему было плохо». Она стала планом. Сложным, многоходовым, продуманным до мелочей планом, который учитывал все слабые места, все уязвимости, все возможные варианты

развития событий. Он пришел и дал мне сценарий. Сам. Своими руками. Своими словами. Своим страхом. Своей трусостью.

Я медленно, очень медленно наклонилась вперед через стойку, так что наши лица почти соприкоснулись. Я могла разглядеть каждую ресничку на его веках, каждую пору на его коже, каждую едва заметную морщинку, появившуюся за этот год. От него пахло дорогим парфюмом — сандал, цитрус, что-то еще, — но это был чужой запах. Это был не тот Никита, которого я знала. Тот пах по-другому: проще, теплее, человечнее. А это был запах мужчины, которого создала Вика. Я посмотрела в его глаза — в те самые янтарные глаза, которые когда-то клялись мне в вечной любви, — и улыбнулась. Не той ядовитой улыбкой, что была раньше. Новой, особенной. Ласковой, безмятежной, почти материнской. Улыбкой человека, который знает что-то такое, что другим не дано узнать. От такой улыбки у людей обычно кровь стынет в жилах, и они просыпаются в холодном поту посреди ночи, не понимая, что их так напугало.

— Не портить тебе жизнь? — переспросила я, растягивая слова, словно смакуя дорогой десерт, который хочется попробовать по крошечному кусочку. Мой голос был бархатным, обволакивающим, гипнотическим. Он заполнял собой все пространство между нами, вытесняя воздух, вытесняя ре-

альность, вытесняя здравый смысл. — Что ты, Никита. Что ты. Конечно, не буду. Зачем мне это?

Я увидела, как в его глазах мелькнуло облегчение. Жалкое, животное, инстинктивное облегчение труса, поверившего в ложь. Он даже плечи расправил, бедняга. Его поза из напряженной и оборонительной стала более расслабленной. Он правда решил, что его слова возымели действие. Что я испугалась его «просьбы». Или, того хуже, прониклась. Поверила в его искренность. В его раскаяние. Решила, что он действительно хочет спокойной жизни и не заслуживает наказания. Его мозг, отравленный обществом идеальной Вики и иллюзией собственной значимости, просто не мог допустить мысли, что я способна на что-то большее, чем истерика.

Я подождала ровно секунду. Одну долгую, бесконечную секунду, в течение которой он успел полностью поверить в свою победу и мое поражение. А затем нанесла удар. Тихий, почти ласковый, но сокрушительный, словно контрольный выстрел в голову раненого зверя, который уже думал, что спасся.

— Зачем мне портить тебе жизнь, — произнесла я, чуть склонив голову набок, словно размышляя над забавной математической задачкой, — когда ты и сам прекрасно с этим

справляешься? Женитьба на Вике, говоришь? Через месяц? Что ж... удачи. Она тебе понадобится. Искренне желаю тебе удачи. Ты понятия не имеешь, во что ввязываешься.

Я отстранилась так же медленно, как и наклонялась. Взяла тряпку со стойки и принялась снова протирать и без того стерильную поверхность из темного дуба, убирая невидимые пятна и невидимые улики нашего разговора. Аудитория была окончена. Я больше не смотрела на него. Он был уже неинтересен, как прочитанная и разорванная в клочья книга, содержание которой я запомнила наизусть и могла процитировать в любой момент. Краем глаза я видела, как он стоял еще пару секунд, словно оглушенный громом посреди ясного неба, пытаюсь переварить смысл сказанного мной. Его мозг лихорадочно работал, пытаюсь расшифровать мое сообщение. Что это было? Угроза? Проклятие? Просто слова? На его лице отразилась целая гамма чувств, сменяющих друг друга с калейдоскопической быстротой: замешательство, шок, страх, снова злость, непонимание, растерянность. Он не знал, что думать. Он не знал, как реагировать. И это непонимание, эта неизвестность были для него сейчас самой страшной пыткой, страшнее любой прямой угрозы. Я дала ему не ответ, а загадку. И он будет мучиться над ней еще очень долго.

Наконец, он развернулся и почти выбежал из кофейни.

Дверь хлопнула с такой силой, что колокольчик жалобно звякнул и еще долго раскачивался из стороны в сторону. Через мокрое от дождя стекло я видела, как он подошел к машине — да, именно к той, с немецким брендом, — как Вика, сидевшая на пассажирском сиденье, что-то взволнованно спрашивала, заглядывая ему в лицо, а он лишь раздраженно отмахнулся и резко завел двигатель. Я видела, как машина, рыкнув мощным мотором, сорвалась с места и скрылась в серой пелене ноябрьского дождя, оставив после себя лишь облако выхлопных газов и легкое послевкусие страха. Две фигуры — бежевая и темно-синяя — растворились в сумраке, и я наконец осталась одна. Совсем одна, если не считать пары студентов, уткнувшихся в ноутбуки за дальним столиком, и пожилого мужчины, который читал газету, не замечая ничего вокруг.

Я осталась одна в опустевшей кофейне. Джаз продолжал играть свои минорные аккорды, и саксофон выводил какую-то особенно тоскливую, душераздирающую мелодию. Кофемашина тихо гудела, готовая к работе, словно терпеливый зверь, ожидающий команды. Я посмотрела на свое отражение в начищенной до зеркального блеска поверхности кофемашины. На меня смотрела девушка с темными, собранными в высокий, слегка небрежный пучок волосами, из которого выбивались непослушные пряди. У нее были острые скулы, которые делали лицо похожим на маску, и глаза, го-

рящие каким-то особенным, inferнальным огнем. Это были глаза человека, который только что принял судьбоносное решение. Глаза, в которых больше не было ни боли, ни обиды, ни сожаления. Там зрела буря. Там рождался сюжет.

Я стояла и смотрела на свое отражение, и постепенно на моих губах начала расцветать улыбка. Холодная, острая, словно лезвие хирургического скальпеля. Улыбка человека, который знает, что будет дальше.

— Ты сам напросился, Никита, — прошептала я своему отражению, и звук моего собственного голоса показался мне незнакомым, чужим, словно говорила не я, а кто-то другой, кто-то гораздо более сильный и безжалостный. — Ты сам пришел ко мне, сам открыл рот, сам попросил не портить тебе жизнь. И если ты думаешь, что твоя «идеальная» жизнь, твоя драгоценная ипотека и твоя фарфоровая невеста — это хэппи-энд, то ты глубоко, фатально ошибаешься. Это не финал, Никита. Это только пролог. Пролог к драме, которую ты не забудешь до конца своих жалких дней. А я... а я, так уж и быть, стану в ней королевой. Королевой драмы.

Я взяла в руки чистую, теплую чашку и принялась колдовать над новой порцией эспresso. Руки двигались на автомате, выполняя привычные, тысячу раз повторенные действия, в то время как мой мозг лихорадочно работал, выстра-

ивая схему. Теперь каждый глоток кофе будет иметь особый, пряный вкус. Вкус грядущей катастрофы. Вкус мести, поданной холодной, как фраппучино в январскую стужу. И я точно знала, с чего начну. Я начну с самого слабого звена. С его драгоценной, идеальной, понятной Вики. С женщины, которая думает, что ее жизнь безупречна. С женщины, которая уверена, что знает своего мужчину. С женщины, которая понятия не имеет, на что способна ее предшественница.

В конце концов, у каждой идеальной картинки есть обратная сторона. У каждой фарфоровой куклы есть трещина, нужно только знать, куда смотреть. А я, как опытный бариста, умею отделять зерна от плевел и находить дефекты даже в самых отборных партиях. Я умею ждать, пока вода нагреется до нужной температуры. Я умею дать кофе настояться, чтобы он раскрыл весь свой вкус. Я умею быть терпеливой. Очень, очень терпеливой. И этот месяц, месяц перед их свадьбой, станет самым интересным месяцем в моей жизни.

Я поднесла чашку к губам и сделала глоток. Кофе больше не был горьким. Он был бархатным, насыщенным, идеально сбалансированным. Он был совершенным. Таким же совершенным, каким будет мой план. Оставалось только дождаться подходящего момента, чтобы начать действовать. А момент, как известно, всегда наступает неожиданно. Особенно когда его создаешь своими руками.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.